

Примеру: «Эх, Катя!
Поздно я тебя встретил!»

Ивану Дыховичному:
«На твоём месте мог бы быть я»

ВИТОРГАН

– Только этим и занимаемся. Был у меня однажды настоящий прорыв – когда после ГИТИСа я пришел работать в Театр юного зрителя. Сыграл там в спектакле у Гинкаса «Казнь декабристов», я открыл для себя что-то новое и прыгнул на тот момент выше головы. Какие-то качественные изменения, они все время происходят. Но я не могу, к примеру, сказать, что в «Преступлении и наказании» я превзошел сам себя. Мне не стыдно за эту роль, но ничего мощного в ней нет. На самом деле, в каждой работе открывается много мелких деталей, находок, иначе было бы просто скучно играть.

– «Вика, я фотографировался на фоне твоей машины», – мимо проходит как раз та самая девушка, которой Максим обещал все припомнить. «Да, – улыбается Вика, – иди, я тебе откину верх, в открытой хоть запечатлишься». – «Не, поздно уже (смеется). Спасибо тебе, Вика».

– Какой режиссер или актер действительно многому вас научил?

– Да мне все что-то дали. На начальном этапе многое дала Яновская. Я ни с кем так не работал, как с Каменьковичем в «Ю». Он всегда терпим и готов что-то обсудить, поговорить, помочь. Да я всегда и из всего стараюсь что-то почерпнуть. (Угрожающе) Даю, к примеру, интервью, потом читаю его и тоже стараюсь из этого что-то подцепить. Думаю: в следующий раз мне не надо об этом говорить, или говорить не так... (Беззаботно) Правда, забываю потом.

– Откуда же тогда, при всей

явлениях, похожих на него. А внешне – нет.

– Эммануил Виторган для вас является предметом для подражания?

– Нет. Я его безусловно уважаю, но чтобы считать его таким прямым предметом для подражания – через это я уже в институте перескочил. На первом-втором курсе, когда я мало что умел и соображал, формально я, конечно, старался подражать ему. Но чисто формально. Чему-то я у него научился, но настал момент, когда я стал видеть его недостатки. Более того, я с ним их обсуждал.

– Спокойно реагировал?

– По-разному – иногда соглашался, иногда спорил. А вообще такое понятие, как взаимоотношения отцов и детей, на нашей жизни особо контрастно не отразилось. Но зачастую мы сталкивались. Мама вынуждена была лавировать между нами. Особенно когда я был помолжен.

– Отец с мамой отговаривали от поступления в ГИТИС?

– Да. Никак не помогли – даже не знали программы, с которой я поступал. Всячески рассказывали, что это ужасно. Да ну, сейчас я уже не хочу доказывать, что я не верблюд, что поступил не по блату. Раньше мог морду набить за намек на то, что меня продвигали родители. Теперь мне это все равно.

– Сложнее стало ладить с отцом, когда умерла мама? Сейчас во всех журналах он с подругой Ириной.

– Скажем так, это не моя часть жизни. Я с этой частью жизни стараюсь как можно меньше пересекать-

дения, я устроил праздник на корабле так, что никто не знал. А когда я еще за ней ухаживал, зачастую были проблемы с деньгами. И я мог подарок в виде обыкновенной шоколадки «Баунти» обставить так, что это был фейерверк. Или проводили вечер в машине при свечах с бутылкой шампанского... Вообще я как бы умею ухаживать! (Улыбается). Завоевать ее было очень непросто. Она была уверена, что точно не выйдет замуж, а если и выйдет, то не за артиста. И уж тем более у нее не будет детей. В итоге вышла замуж за артиста, и у нее двое детей.

– Вы семейный человек?

– Да, конечно. Что вы, я с детьми всю жизнь сижу. Это сейчас, когда их двое, есть няня, а раньше сам и стирал, и гладил, и массаж делал, и купал. По полной программе.

– Вы верите в прошлые жизни?

– Нет. Я вообще атеист. Не верю в религию как таковую. Понимаю, что Бог существует. А религия – дело рук человеческих. Церкви и храмы воспринимаю исключительно как произведения искусства.

– В жизни когда-нибудь используете актерские способности?

– Ха! Это все равно что спросить, играю ли я в жизни. Как и все, в той или иной мере.

– Лицемерить можете?

– (Решительно) Да! Я все могу. И врать могу, если надо. Покажите мне человека, который этого не делает.

– Ни разу не приходилось стать невольным или сознательным участником театральной интриги?

– К сожалению, приходилось. Это опять же было в ТЮЗе. Больше на эту удочку не попадусь (категорично)!

– Спектакли, в которых вы играли, – «Казнь декабристов» и «Гроза» – были номинированы на «Золотую маску». Это лестно?

– Нет, не более чем просто приятный общий фон. Хотя для меня номинация важнее победы.

– Тусовки любите актерские?

– Вообще нет. Был один раз на «Кинотавре». Только не надо, пожалуйста, мне тут рассказывать, что это кинофестиваль, а! Это обычная, веселая тусовка замечательных людей, которые замечательно проводят время.

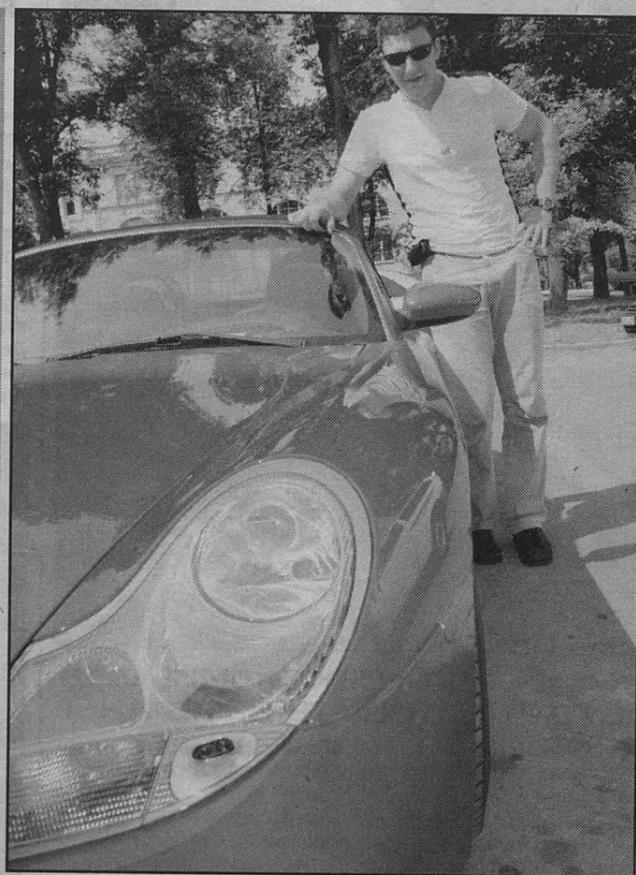
– В спектакле «Секс, ложь и видео» вы играли импотента...

– (Улыбается) Ну! Так! Продолжите свою мысль...

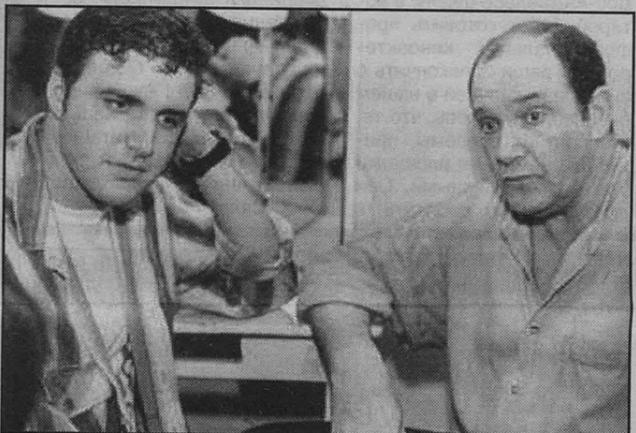
– Сложно было?

– Я не играл импотента. Я играл человека, который создал себе искусственную реальность, прикрывая ею свои комплексы. Вот так.

Встречались Ника ДРАБКИНА и Макс КРАСНИЦКИЙ (фото)

Любимая, но чужая...

«Папа давно перестал быть для меня кумиром»

Под крылом самолета о чем-то поет

Вопросы здесь задаю я!

«Никто не умеет ухаживать за женщинами так, как я!»

этой увлеченности театром, взялась вдруг мастерская рекламы Юрия Грымова, в которой вы отучились несколько лет?

– Я когда попал в профессиональный театр, многие вещи открыл с новой стороны. Понял, что театр как организация – штука мерзопакостная. Вроде и рос в театре, и родители мне рассказывали, что театр – это не рай, но умудрился даже в институте сохранить абсолютно розовое к нему отношение. Поэтому когда увидел жизненные реалии, думал уже завязывать с профессией. Но не завязал. Профессия победила окончательно, и сейчас у меня нет абсолютно никаких сомнений по этому поводу.

– Вы считаете себя похожим на папу?

– Никогда не думал об этом. Иногда ловлю себя на каких-то про-

ся. Это не мое дело. Я всегда к маме был ближе – разговоры по ночам по телефону, когда все мог с ней обсуждать.

– Как познакомились с женой?

– В театре. Я когда пришел в ТЮЗ, она уже там работала. Была звездой, Виктория Верберг. Увидел ее на репетиции выпускного спектакля «Иванов». Она тогда играла Сару, и сначала мне не понравилось то, что она делала, а потом я просто влюбился. В то время еще Марина Неелова блистала, и две их роли тогда считались самыми громкими в Москве. И тут пришел такой мальчик в театр, а она – прима. Взял на руки и унес.

– Что самое романтическое сделали для нее?

– Ой, да кучу всего. Когда она была беременна нашим первым ребенком, Полиной, и у нее был день рож-